

А.А.Болтаевский, С.А.Агуреев

«Никогда прежде не бывали в колониях, где негры обладают такой смелостью»

Голландский колониальный этос на Кюрасао

Предметом исследования является начальный этап голландской колонизации одного из Малых Антильских островов, Кюрасао, который сегодня является субъектом федерации в Королевстве Нидерланды. В отечественной историографии практически не раскрыта роль Кюрасао как крупнейшего центра контрабандной торговли XVIII столетия. В статье рассмотрены события XVII—XVIII вв. с учетом Нидерландского исторического канона, описаны особенности голландского колониального этоса в условиях неплантационной системы хозяйствования. Проанализированы такие аспекты, как становление острова в качестве центра транзитной трансатлантической торговли, а также роль рабов в его экономическом развитии острова. Работа основана на принципах историзма, системности и объективности. Методологической базой исследования является историко-генетический метод, позволяющий показать рассматриваемую реальность в ее историческом развитии. Несмотря на довольно мягкие условия эксплуатации рабов на Кюрасао, известны многочисленные случаи бегства и волнений невольников. Характерной чертой Кюрасао являлось наличие во всех экономических сферах свободных негров и мулатов, что было обусловлено преимущественно городским хозяйством.

Ключевые слова: колониализм, Нидерланды, карибский регион, Кюрасао, порто-франко, транзитный центр, городская экономика, плантационное хозяйство, колониальный этос.

DOI: 10.31857/S0044748X0018049-2

Статья поступила в редакцию 01.04.2021.

Андрей Андреевич Болтаевский — кандидат исторических наук, доцент Российского университета кооперации (РФ, 141014 Мытищи, ул. Веры Волошиной 12/30, <https://orcid.org/0000-0002-7866-0063>, boltaev83@mail.ru); Станислав Александрович Агуреев — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России (РФ, 119021 Москва, ул. Остоженка 53/2, <https://orcid.org/0000-0002-7543-8272>, stas.agureev@mail.ru).

В последние годы в Нидерландах ведутся активные дебаты вокруг колониального прошлого, что связано с различными юбилеями и круглыми датами. Так, в 2013 г. отмечалось 150-летие отмены рабства в голландских колониях, совсем недолго осталось до 400-летия Голландской Вест-Индской компании (ГВИК). Еще в 2001 г. на конференции против расизма в Дурбане министр по вопросам интеграции Р. ван Бокстел принес извинения за колониальное прошлое страны: «Мы выражаем глубокое раскаяние по поводу порабощения и работорговли, которые имели место. Но этого, конечно, недостаточно, и это раскаяние нельзя использовать в качестве оправдания того, чтобы не предпринимать никаких действий в настоящем. Важно принять структурные меры, которые оказывают влияние на потомков бывших рабов и следующие поколения» [1]. Разумеется, существуют и противоположные точки зрения. Голландский историк П.К.Эммер подчеркивает: «В колониальные времена мы положили конец рабству в Азии и Африке, а также грабежам и мародерству, которые часто происходили в этих районах. Мы модернизировали здравоохранение, сельское хозяйство, образование и администрацию. Мы построили канализацию, водопровод, автомобильные и железные дороги, установили телефонную связь. Сегодня не принято так говорить, но колониализм создал современную цивилизацию» [2]. В стране, где на данный момент проживает 179 наций, приоритетным является критическое отношение к эпохе колониализма. Во многом это определяется влиятельной карибской общиной: в метрополии сегодня проживают около 140 тыс. выходцев с Нидерландских Антильских островов и 360 тыс. из Суринама; для сравнения: в самом Суринаме живут около 475 тыс. человек [3, р. 10].

Сегодня тема «Рабство» входит в Нидерландский исторический канон* под номером 23 (он был составлен в 2006 г. из 50 тем, и основная цель его создания заключалась в том, чтобы представить основополагающие сведения по истории и культуре страны). В 2013 г. на экраны вышел фильм режиссера Й. Лейндерса «Тула: Восстание», посвященный событиям, произошедшим на Кюрасао в 1795 г. Отдельной темой являются репарации за колониальное прошлое. Согласно оценке суринамского исследователя А.Зандера, сумма ущерба Суринаму по состоянию на 2006 г. составляла 65,3 млрд евро [4, р. 164]. В настоящее время в стране, как и в ряде других западноевропейских государств, происходит активное низвержение прошлого, когда представители части общества стремятся проецировать нынешние ценности на события многовековой давности: раздаются требования демонтировать памятники колонизаторам, переименовать улицы, названные в их честь.

Нидерландскую рабовладельческую систему принято считать самой суровой в Западном полушарии (во многом это объяснялось особенностями религиозного сознания, присущего именно протестантам, представлениям об избранности тех или иных народов). Отметим, что говорить о гуманности любой формы рабства нам представляется неверным. Но в то же время необходимо учитывать целый комплекс таких разноплановых факторов, как конфессиональный и природно-климатический, и хозяйственные условия, определявшиеся этими факторами. Посланник Пруссии в Нидерландах

* Canon van Nederland, 2006. Available at: <https://www.entoen.nu>

писал Фридриху Великому: «Голландских поселенцев в Суринаме, Бербисе и Эссекибо, а также на реке Померун справедливо обвиняют в более варварском отношении к рабам, чем на Антилах» [5, р. 7]. Напротив, голландский очевидец в 1878 г. написал: «Наказания в Британской Гвиане в целом более строгие, чем в Суринаме. За кражу фруктов на плантации назначается 30 ударов кошкой-девятихвосткой» [6, р. 43]. На Антилах положение невольников было также неоднозначным: значительно хуже дело обстояло на Сан-Доминго, на Кубе и Ямайке, где царил «король-сахар», нежели на Тортуге или Кюрасао, где преобладало городское рабство. Испанский хронист Б. Лас Касас отмечал: «В былые времена, когда у нас на острове [Гаити. — А.Б., С.А.] еще не было сахарных плантаций, все были убеждены в том, что если негра в один прекрасный день не повесить, он вообще никогда не умрет, так как мы ни разу не видели, чтобы негр умер своей смертью от какой-то болезни ... но после того как негров отправили работать на плантации, они познали смерть и болезни от тяжких трудов ... они ежедневно они умирают в большом количестве» [7, pp. 432-433].

Представляет интерес и изучение особенностей нидерландского колониального этоса на Подветренных островах, где, в отличие от Нидерландской Гвианы, в силу природно-климатических условий крупное плантационное хозяйство не сложилось. Кюрасао, относящийся к группе Малых Антильских островов, расположен в 80 км от побережья Венесуэлы и известен как архитектурными достопримечательностями, так и природой (национальный парк Кристоффел). Температурные колебания в течение года тут незначительны: от 25 до 33°.

Авторы рассматривают нидерландский колониальный этос как составную часть культуры и ценностей, присущих укладу жизни населения острова с учетом специфики нидерландской колониальной системы. Используя историко-сравнительный метод, авторы выявляют особенности нидерландской колониальной системы на Кюрасао.

Открытый в 1499 г. испанским мореплавателем Алонсо де Охедой, первоначально Кюрасао получил название Острова Гигантов — в честь высокорослых индейцев, которых встретили путешественники. Что касается этимологии современного названия острова, то оно, как и во многих других случаях, не имеет однозначной трактовки. Согласно легенде, испанцы неоднократно с помощью местной флоры лечились здесь от цинги, что привело к новому закрепившемуся названию Кюрасао (от исп. *cura* — излечение); в то же время в испанском языке слово *el corazón* означает «сердце». Исследователь Й.Хартог обращает внимание на то, что на северном побережье Венесуэлы имеется целый ряд географических объектов, происходящих от слова *cura* — Кураригуа, Курагуа и т.д. [8, р. 42]. Известно, что количество туземцев, которых в 1515 г. было около 2 тыс. человек, к 1528 г. сократилось до 400. Это объяснялось, в первую очередь, рейдами испанцев, отправлявших обращенных в рабство индейцев на Эспаньолу (историческое название Гаити) [9, р. 57]. Этот остров, на котором не было никаких серьезных природных ресурсов, долгое время не привлекал особого внимания европейцев: испанцы фактически превратили его в огромное ранчо, основав небольшое поселение в заливе Санта-Ана; нет никаких свидетельств об использовании труда африканских невольников в

годы испанского владычества [10, pp. 326-337]. Венесуэльский историк К.Ф.Кардот описывает Кюрасао в те годы как «неприветливое место с небольшим населением» [11, p. 389]. Положение постепенно начало меняться в первой половине XVII в., когда соперничество между испанцами и голландцами в ходе Восемидесятилетней войны коснулось Карибского моря.

В 1634 г. голландцы обратили внимание на Кюрасао из-за выгодного географического положения. Экспедиция голландского путешественника Й. ван Валбейка изгнала немногочисленных испанцев с оставшимися верными индейцами в Венесуэлу. На острове был построен форпост Голландской Вест-Индской компании, откуда совершались рейды на побережье, в том числе на Маракайбо. Статус военно-морской базы обуславливал состав населения: в 1635 г. здесь проживали 50 туземцев и 412 служащих ГВИК, в подавляющем большинстве военных (из 462 человек лишь 6 были женщинами) [8, p. 96].

Несмотря на то, что планы по колонизации Кюрасао были предложены в Амстердамскую палату уже в 1635 г., конкретные меры в этом направлении стали предприниматься только ближе к 1650 г. Голландцы не слишком торопились покинуть свою родину: в отличие от испанцев, португальцев и англичан им нигде в Новом Свете не удалось основать по-настоящему крупных поселений. К примеру, в нидерландском Суринаме к 1830 г. из 2500 европейцев насчитывалось не более 600 голландцев [12, p. 5]. Это объяснялось, во-первых, тем, что голландцы воспринимали колонии как торговые фактории, во-вторых, благоприятными экономическими условиями в стране: во второй половине XVII в. доходы ремесленников в западных Нидерландах в два раза превышали доходы коллег из южной Англии [13, p. 55]. Мюнстерский мир 1648 г., по которому Соединенные провинции официально признавались независимыми, привел к установлению тесных торговых связей как с испанскими континентальными колониями, так и с французскими островными владениями в Карибском море. Однако череда неудач (потеря Бразилии и африканских крепостей) в сочетании с громоздкой системой управления привели к банкротству первой ГВИК. Значимым успехом второй ГВИК стало полученное от генуэзских банкиров право на асиенто — монопольный ввоз рабов в испанские владения в Новом Свете (нелегальные поставки рабов имели место, по крайней мере, в 1657 г.) [14, pp. 109-110].

КЮРАСАО — ЖЕМЧУЖИНА ГОЛЛАНДСКИХ КОЛОНИАЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ В КАРИБСКОМ МОРЕ

С этого времени Кюрасао, объявленный порто-франко (зоной с правом беспошлинного ввоза и вывоза товара), превратился в крупнейший международный центр работорговли, который стал связующим звеном между Западной Африкой и Иbero-Америкой. Менее чем за столетие, с 1634 по 1730 г., ГВИК поставила на небольшой тропический остров до 90 тыс. рабов [15, p. 52]. Достигнув пика в ходе войны за Испанское наследство, с 1713 г., когда, согласно Утрехтскому миру право на асиенто было передано Великобритании, транзитная работорговля на Кюрасао постепенно приходит в упадок. Предприимчивые голландцы, по праву называемые торговой нацией, не смирились с этим, наладив контрабандный канал с венесуэльским побережьем.

Между 1701 и 1728 г. торговцы Кюрасао перевозили от 25 до 62% всего венесуэльского какао. С первой четверти XVIII в. Кюрасао превращается в центр транзита мулов из Новой Гранады во французские островные владения, особенно в Сан-Доминго и на Ямайку: с течением времени по мере снижения доходов от работорговли контрабанда мулов стала основой экономики острова. Мулы, гибрид осла и кобылы, в отличие от лошадей, жили дольше и отличали большей выносливостью и неприхотливостью, поэтому использовались в качестве тягловых животных на сахарных плантациях. Поскольку гибриды были неспособны к размножению, они были объектом постоянного спроса и вовлекали в коммерческие отношения различные группы населения. Посетивший эти края в конце XVIII в. известный путешественник А.Гумбольдт красочно описывал погрузку этих животных: «Накинув петлю, их валят и затем поднимают на борт судна с помощью приспособления, похожего на колодезный журавль. Выстроенные в два ряда мулы с трудом держатся на ногах во время боковой и килевой качки. Чтобы утешить их ... днем и ночью почти непрерывно бьют в барабан» [16, с. 74]. Контрабандная торговля не только обусловила тесные связи между Мэйном, Кюрасао и другими карибскими островами, но и стала важным фактором развития ориентированного на экспорт сельского хозяйства региона. Тесные торговые отношения связывали остров с Соединенными провинциями, куда привозили табак, кофе, какао, соль, лес, шкуры: в первой половине XVIII в. между Кюрасао и Нидерландами ежегодно курсировало 14-15 кораблей [17, р. 46]. В официальном правительственном отчете Кюрасао в конце XVIII в. был описан как «единственный безопасный порт, который наше государство имеет в Вест-Индии, в котором свыше 300 кораблей самого большого размера могут быть укрыты от ветра и моря и где они всегда могут быть подвергнуты килеванию и отремонтированы» [18, р. 58]. Неслучайно современник называл Кюрасао «маленьким раем земного изобилия» [19, р. 59]. Экономический рост сопровождался увеличением числа жителей. В 1660-е годы население острова составляло 600 человек [20, р. 59], и его ресурсы были столь малы, что прибытие даже одного невольничьего корабля могло привести к трудностям в снабжении. К началу XVIII в. относится строительство Виллемстада, ставшего центром островной экономики и вошедшего со временем в десятку самых крупных городов Антиль (см. таблицу ниже). Согласно переписи 1789 г., в нем проживало 11398 человека: 2001 голландец, 1423 еврея-сефарда, 2615 свободных мулатов и 5359 рабов. Население же всего острова в этот год составило 20988 человек, что наглядно показывало преимущественно городской характер жизни: самыми влиятельными были не плантаторы, а торговцы.

Сухой климат препятствовал созданию крупного, ориентированного на экспорт плантационного хозяйства. Вплоть до отмены в 1863 г. рабство носило, скорее, «домашний характер»: подавляющее большинство собственников имело не более пяти рабов (кучера, садовники, повара). Только на редких земледельческих плантациях работали по несколько десятков рабов, в исключительных случаях — более сотни. В 1735 г. самый крупный рабовладелец владел всего 120 рабами [23, р. 60]. Первые плантации на Кюрасао относятся к 1660 г.: в течение всего XVIII в. они находились в собственности как ГВИК, так и частных владельцев. Определяющим фак-

тором для местоположения плантаций была доступность источников воды. Лучшей водой, предназначавшейся для господ, считалась дождевая, собиравшаяся в специальные цистерны; для хозяйственных нужд, в том числе для стирки, использовалась морская вода [24, р. 19].

КРУПНЕЙШИЕ ГОРОДА ОСТРОВОВ КАРИБСКОГО МОРЯ В КОНЦЕ XVIII в.

Город	Численность населения	Дата
Гавана	40737	1778
Кингстон	26478	1788
Сен-Пьер	20000 (оценка)	1788
Кап Франсэ	15696	1788
Бриджтаун	14000 (оценка)	1773
Виллемтсад	11398	1789
Сантьяго-де-Куба	10734	1774
Санто-Доминго	10702	1782—1783
Порт-о-Пренс	6200	1789
Сан-Хуан	6005	1771

Источник: составлено авторами по: [20, р. 46], [21, р. 45, 82], [22, с. 1577].

Основной земледельческой культурой на острове было сорго, служившее основой рациона невольников, выращивались также арахис и бобы, индиго. Главным источником дохода плантаторов было животноводство. Администрация стремилась контролировать динамичный рост поголовья домашнего скота, впрочем, без особого успеха. По данным на 1789 г., на острове было 1183 лошади, 1193 осла, 116 мулов, свыше 31 тыс. овец [8, р. 372]. Господский дом располагался на самом возвышенном месте, что обеспечивало хороший обзор окрестностей. Неподалеку находились немногочисленные хозяйственные постройки, соломенные хижины рабов и кораль (загон для скота). Самые напряженные полевые работы велись с сентября по декабрь, а также в марте, когда собирали урожай [18, pp. 29-31]. Из-за ограниченности островной территории плантации чаще всего были рядом, что облегчало контакты между рабами.

В отличие от Ямайки или Суринама, небольшая площадь Кюрасао не способствовала формированию каких-либо устойчивых объединений маронов (беглых невольников). Единственный путь к свободе проходил через море: на похищенных лодках рабы добирались до побережья Венесуэлы, где они могли быть признаны свободными при формальном переходе в католицизм [25, р. 92] (деятельность испанских миссионеров была разрешена среди рабов, подлежащих отправке на континент, вероятно, по просьбам самих испанских властей). Источники сообщают о вызванной голодом неудачной попытке бегства в венесуэльский Коро 140 рабов в 1774 г. [26, р. 68]. К концу XVIII в. в Коро возникла настоящая колония из 400 бывших невольников с Кюрасао [27]. Часто моряки бежали с кораблей во время торговых рейсов и оставались в колонии. [28, р. 364].

Случаи бегства с материка на Кюрасао были редкими. Самой известной является история Андреса Лопеса дель Росарио, более известного под именем Андресоте, самбо по рождению (потомки от смешанных браков индейцев и африканцев). В начале 1730-х годов вместе с группой других контрабандистов он поднял мятеж против Королевской компании Гипускоа, пытавшейся монополизировать торговлю. Андресоте поддержали не только голландские и британские торговцы, но и местные жители. После первых неудач испанцы выставили против восставших отряд под командованием губернатора С.Г. де ла Торре, вынудив Андресоте и часть его приверженцев укрыться на Кюрасао [29, р. 29].

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОВ НА КЮРАСАО И ПРОБЛЕМА КОЛОНИАЛЬНОГО ЭТОСА

По наблюдениям современников, отношение к невольникам в Кюрасао было более мягким, чем в Нидерландской Гвиане. Это объясняется отсутствием крупного плантационного хозяйства в целом и, в частности, больших сахарных плантаций, на которых рабов эксплуатировали очень жестко [3]. К примеру, современник утверждал, что в начале XVIII в. на сахарных плантациях Суринама ежегодно погибали не менее тысячи рабов: «импорт едва восполняет потери из-за смертности и побегов» [30, р. 383]. Фертильность рабов на Кюрасао в два раза превышала подобные показатели в Суринаме [31, р. 93]. В крупном торговом центре невольники активно привлекались на портовые работы наравне со свободными, что объясняло и более мягкое отношение. Так, в 1741 г. 2/3 матросов были либо рабами, либо свободными неграми и мулатами [20, р. 44]. Поскольку из-за высокого уровня смертности и дезертирства количество людей, служивших в гарнизоне острова, практически никогда не соответствовало нормативам [32, р. 86], свободные негры и мулаты были важной опорой для ополчения: они участвовали в подавлении восстаний рабов 1750 и 1795 гг. [33, р. 84].

Отношения между гарнизоном и ополчением, в массе своей состоявшим из мулатов, не всегда были гладкими: к примеру, в голландском Суринаме в ноябре 1819 г. в результате конфликта между данными группами было введено чрезвычайное положение [34, р. 61]. В то же время расовая сегрегация обуславливала формальное наличие больших прав у мулатов: как указывает исследовательница Р.М.Аллен, «цвет кожи стал решающим фактором социальной мобильности» [35, р. 73]. К 1740 г. количество свободных мулатов на острове стало столь значительным, что побудило местные власти издать серию запретительных законов. Так, указ от 1741 г. запрещал им собираться числом более шести человек, включая свадьбы и похороны. Постановление 1745 г. предписывало мулатам не появляться после 9 вечера на городских улицах без фонаря [36, р. 406].

В свою очередь мулаты, осознававшие свое численное превосходство, к концу XVIII в. стали вести себя столь независимо, что европейцы в тот момент воспринимали это как дерзость. В отчете голландских комиссаров за 1789 г. есть слова о том, что они «никогда прежде не бывали в колониях, где негры обладают такой смелостью, как на Кюрасао» [37, р. 37]. Положение мало изменилось и спустя четыре десятилетия: очевидец писал, что на

острове «мулаты в основном грязные, ленивые, необычайно жестокие пьяницы, так что разумно их избегать» [38, р. 165]. Несмотря на довольно сносные условия жизни, восстания невольников на Кюрасао происходили в течение всего XVIII в. В первом документально известном выступлении 1716 г. участвовали всего несколько десятков рабов, не имевших никакого четкого плана, но стремившихся к свободе.

ИЗ ИСТОРИИ ВОССТАНИЙ РАБОВ НА КЮРАСАО

Мятеж 1750 г., в котором участвовали около 100 рабов, был подавлен за один день: восставшие убили 59 других рабов и одного белого. Современники полагали, что это выступление отражало лишь противоречия внутри негритянской массы, а являлось борьбой против белых [39, р. 7]. Рассматривая историческую панораму восстания 1795 г., стоит отметить, что последнее десятилетие XVIII в. стало временем массовых волнений рабов во всем карибском регионе, во многом обусловленных событиями во Франции. В 1791 г. вспыхнул мятеж на Сан-Доминго, а в 1793 г. произошло восстание рабов на Мартинике.

4 апреля 1794 г. Национальный конвент Французской Республики провозгласил отмену рабства. Влияние внешних факторов, в первую очередь успеха восстания на Гаити под предводительством Туссена Лювертюра, на волнения среди рабов в карибском регионе отмечают многие современные исследователи [39], [40]. Известно, что с середины XVIII в. в Кюрасао существовала французская община, численность которой к 1790 г. достигала 400 человек. В 1791—1793 гг. на остров также проникали беженцы из Сан-Доминго, в основном плантаторы. В начале 1795 г. территория Нидерландов была занята французскими войсками, при поддержке которых противники оранжистов провозгласили Батавскую Республику. Политическая нестабильность в метрополии не могла не сказаться и на карибских владениях: в мае 1795 г. эти новости были официально опубликованы в Кюрасао. Это крайне усложняло отношения между мультиэтничным сообществом белых поселенцев и приводило к падению их авторитета. Среди невольников в Иbero-Америке в конце XVIII в. активно распространялись слухи о предположительной отмене рабства Мадридом, скрываемой колониальными властями. В мае 1795 г. вспыхнуло восстание в Коро, в котором приняли участие как свободные негры, так и рабы. Как и в более поздних волнениях рабов в испанских владениях, повстанцы выступали против местной администрации, но защищали монархию [41, р. 44]. Сегодня мы не можем с полной уверенностью определить причины восстания на Кюрасао в августе 1795 г. На поведение рабов могли повлиять как возможные перебои с продовольствием, так и заключенное в 1791 г. соглашение между голландскими и испанскими властями о взаимной выдаче беглых рабов [39, р. 8].

Местные власти усматривали связь между восстаниями в Коро и Кюрасао: этот вопрос и сегодня является предметом дискуссий в историографии. Один из лидеров восстания в Коро был бежавшим с Кюрасао рабом, другой вел контрабандную торговлю с островом, имея связи и с Сан-Доминго. Исследователь Л.Руперт справедливо указывает, что, хотя Коро и Кюрасао относились к двум разным колониальным империям, они были тесно связаны контрабандой, миграцией и другими формами обмена: как

свободные негры, так и невольники в течение 100 лет создавали развитые сети экономических, религиозных и правовых отношений [28, pp. 92-93]. Планировавшееся на протяжении нескольких недель восстание вспыхнуло 17 августа 1795 г. Поводом к нему послужили, по всей вероятности, какие-то изменения в привычном распорядке дня рабов [36, p. 407].

Собравшиеся утром на плантации К. ван Уйтрехта несколько десятков невольников под предводительством бывшего африканского вождя Тулы двинулись на соседние плантации, где к ним присоединялись местные рабы. Рабовладельцы бежали в Виллемстад, а на плантациях временно воцарился хаос. Повстанцы больше месяца скитались по острову, отравляя колodцы и периодически нападая на плантации в поисках пищи. 19 сентября Тула и его ближайшие сподвижники были выданы предателем, что привело к быстрому поражению восстания. Хотя 3 октября Тула был казнен, однако до нас дошли некоторые его взгляды, описанные католическим священником. По всей видимости, Тула был осведомлен о революциях во Франции и Гаити: «К нам очень долго относились крайне плохо, мы не хотим никому причинить вред, но мы стремимся к нашей свободе, французским [карибским] неграм предоставлена свобода, Голландия была захвачена французами, поэтому мы тоже должны быть свободными» [37, p. 9]. Тула в определенной степени был знаком с христианским вероучением: он заявил священнику, что у всех людей одни и те же прародители — Адам и Ева. Заметим, что католическая церковь, приверженцами которой, как было описано выше, являлось подавляющее большинство рабов, традиционно была гораздо нетерпимее к другим конфессиям, нежели к расам.

Не все рабы присоединились к восставшим, часть из них даже участвовала в подавлении мятежа. Это было обусловлено непростыми отношениями внутри рабской среды: противоречия между домашними и плантационными невольниками, между выходцами из разных районов Африки, между креолами и ново-прибывшими рабами. Не идеализируя самих восставших, следует сказать, что их жестокость была ответной реакцией на насаждавшийся культ силы и страха перед плантаторами. Несмотря на то, что за все время восстания погибли только два белых, поверженные повстанцы были серьезно наказаны: свыше 100 рабов подверглись пыткам и последующим казням посредством колесования [39, p. 10]. Голова Тулы с табличкой «главарь убийц, грабителей и поджигателей» была помещена на кол, а тело брошено в море.

Жестокая расправа над восставшими резко контрастирует с провозглашенными в это время в Старом Свете идеалами свободы, равенства и братства. На наш взгляд, подобное варварство объясняется крайне неустойчивым положением практически во всем карибском регионе в этот период и, соответственно, стремлением рабовладельцев создать атмосферу страха в негритянской среде.

Эти события вызвали серьезную обеспокоенность островных властей: провозглашенные в далекой Франции равноправие белых и свободных негров, не говоря уже об отмене рабства, стали рассматриваться как несовместимые с порядком и безопасностью. Внутриполитические противоречия обуславливались и противостоянием между патриотами и оранжистами. Администрация призвала на помощь британские силы, после чего все несогласные, в том числе свободные негры, бежали на принадлежавший Дании остров Святого Фомы [17, p. 266].

Восстания рабов в карибском регионе были намного масштабнее, чем в соседних США: именно беспокойное поведение невольников и увеличение расходов на обеспечение безопасности плантаций стало одной из важных причин эмансипации. В Британской Гвиане одним из самых мощных стал мятеж 1823 г., в котором приняли участие 75% рабов в Демераре (Восстание Восточного побережья); его зачинщиком был белый миссионер Джон Смит. Гибель в тюрьме Дж.Смита, по меткому определению британского политика Д.О.Тревелльяна, стала такой же фатальной для рабства в Вест-Индии, каким явилась для североамериканского рабовладения казнь Джона Брауна [42, p. 73].

В голландских колониях рабство было отменено только в 1863 г. — позже, чем в Англии, Франции, Дании, Швеции, также имевших колонии в карибском регионе. Сегодня в поисках гражданской идентичности малые островные страны Карибского бассейна все чаще обращаются к эпохе рабовладения. Во многом это определяется краткосрочной коллективной памятью: аборигены не только исчезли, но и не оставили после себя никаких следов материальной культуры. А.Гумбольдт отмечал, что «в Китае и Японии изобретения, известные всего две тысячи лет, считаются недавними; в европейских колониях событие кажется исключительно древним, если оно произошло три столетия назад, в эпоху открытия Америки» [16, с. 239]. Имя Тулы стало частью истории Кюрасао, и жители острова с уважением относятся к его памяти: «Тула был не безмолвным рабом, а лидером, борцом за свободу. Для нас он — учитель» [43].

Наполеоновские войны, завершение века меркантилизма, преследование работорговли британскими властями привели к кризису Кюрасао как порто-франко. Эмансипация рабов в 1863 г. окончательно подорвала экономику не только Кюрасао, но и всех голландских владений в Западном полушарии, получивших в конце позапрошлого столетия название «несчастных». Анализируя их положение, голландский исследователь писал в 1901 г.: «Для того, чтобы сохранить честь Нидерландов, надо, чтобы наши вест-индские острова не погибли» [44, p. 39]. Однако обнаружение нефти на венесуэльском шельфе и строительство нефтеперерабатывающего завода на Кюрасао открыло «второе дыхание» экономике небольшого острова. Несмотря на все перипетии последующих событий (в том числе конфликт Голландии и Венесуэлы [45, 46]), остров остался частью Голландии. Он получил статус субъекта федерации в Королевстве Нидерланды 10 октября 2010 г. (10/10/10, как кратко именуют голландцы это событие).

Обладавший скудными ресурсами пресной воды Кюрасао вначале рассматривался голландцами в качестве военно-морской базы для нападений на венесуэльское побережье. Мюнстерский мир не только закрепил остров в составе Соединенных провинций, но и превратил его в крупнейший торговый центр Нового Света. Контрабандная торговля определила развитие сельского хозяйства на побережье Мэйна. В силу природно-климатических условий ведение плантационного хозяйства на острове было малоприбыльным, а иногда и вовсе убыточным, что привело к преобладанию городского рабства. Положение рабов, свободных негров и мулатов, занятых в порту и домашнем хозяйстве, было намного более комфортным, чем на плантациях. Информация о характере волнений в рабской среде позволяет говорить о том, что выступления невольников происходили на плантациях, а в их подав-

лении участвовали как городские рабы, так и свободные негры и мулаты. Особенность острова заключалась в том, что свободные негры и мулаты играли там довольно важную роль, будучи занятыми во всех секторах экономики — от сельского хозяйства до торговли. Отличительными чертами колониального этоса были свободолюбие местного населения, его желание сохранить собственную культуру. В условиях поиска национальной идеи современные власти Кюрасао все чаще обращаются к истории восстаний рабов, героизируя их лидеров.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Boxtel, Roger van. Speech by Boxtel. World Conference Against Racism, 2010. Available at: <http://www.un.org/WCAR/statements/netherE.htm> (accessed 16.03.19).
2. Visscher M. Historicus Piet Emmer: «Zij die over ons slavernijverleden het hoogste woord voeren, weten sterk te overdrijven. Volkskrant, 6 januari 2018. Available at: <https://www.volkskrant.nl/cultuur-media/historicus-piet-emmer-zij-die-over-ons-slavernijverleden-het-hoogste-woord-voeren-weten-sterkteoverdrijven~b749e1ce/?hash=9709790bdae67f35b908bf85209b6735046a0f02&referer=https://www.nieuwwij.nl/actueel/piet-emmer-kolonialisme-bracht-moderne-beschaving/> (accessed 17.03.2019).
3. Bosma U. (Ed.) Post-colonial immigrants and identity formations in the Netherlands. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010, 244 p.
4. Zunder A. A new look on the economic history of Suriname. Including a methodology to calculate reparations for damage caused by Dutch colonial rule. *Academic Journal of Suriname*, 2011 (2), pp. 150–167.
5. Shahabuddeen, M. Slavery and Historiographical Rectification. Georgetown: Guyana Commemoration Commission, 1984, 22 p.
6. Heemskerk A. Reisindrukken uit West-Indie. Amsterdam, 1878, A. van Oosterzee, 47 p.
7. Casas de las B. Historia de las Indias. T. II. Mexico: Editora Nacional, 1951, 543 p.
8. Hartog J. Curaçao. Van kolonie tot autonomie Aruba D. J. Witt, D. I-II, 1961, 1156 p.
9. Havisier J.B. Amerindian cultural geography on Curaçao. Leiden, 1987, 212 p.
10. Havisier J., Decorse C. African-Caribbean Interaction: A Research Plan for Curacao Creole Culture. Proceedings of the Thirteenth International Congress for Caribbean Archaeology. Curacao, Netherlands Antilles, 1991, Part I, pp. 326-337.
11. Cardot F.C. Curazao hispanico. Antagonismo Flamenco-Espanol Caracas: Ediciones de la Presidencia de la Republica, 1982, 552 p.
12. Teenstra M.D. De negerslaven in de kolonie Suriname. Dordrecht: H. Lagerweij, 1842, 380 p.
13. Klooster W. Illicit Riches: Dutch Trade in the Caribbean, 1648-1795. Leiden: KITLV Press, 1998, 283 p.
14. Gehring Charles T. (Ed), Curacao Papers. 1640-1655: A Publication of the New Netherland Research Center and the New Netherland Institute, 2011, 236 p.
15. Smeulders V. Slavery in perspective. Globalization and heritage in Suriname, Ghana, South Africa and Curaçao. Rotterdam: Erasmus Universiteit, 2012, 237 p.
16. Гумбольдт А. Путешествие в равноденственные области Нового Света в 1799-1804 гг. Плавание по Ориноко. М., Мысль, 1964, 655 с. [Gumboldt A. Puteshestvie v ravnodenstvennyye oblasti Novogo Sveta v 1799-1804 gg. Plavanye po Orinoko [Travel to the equinox regions of the New World in 1799-1804. Swimming in the Orinoco]. Moscow, Mysl, 1964, 655 p. (In Russ.).
17. Joordan H. Slavernij en vrijheid op Curaçao. De dynamiek van een achttiende-eeuws Atlantisch handelsknooppunt. Proefschrift. Ter verkrijging vande graad van Doctor aan de Universiteit Leiden, 2013, 320 p. Available at: <https://openaccess.leidenuniv.nl/handle/1887/19083> (accessed 14.03.2019).
18. Grovenstein van en W.C. NL-HaNA, Verspreide West-Indische Stukken, 1.05.06, inv.nr. 972. Copie-rapport over Curacao door de commissarissen W.A.J Boey uitgebracht aan prins Willem V. 11 februari 1791. Available at: <http://www.gahetna.nl/en/collec-tie/archief/inventaris/gahetnas-cans/cacid/1.05.2006/aan-tal/20/inventarisnr/972/level/file> (accessed 14.03.2019).
19. Hering J.H. Beschryving van het eiland Curaçao, en de daar onder hoorende eilanden, Bon-Aire, Oroba en Klein Curaçao, benevens een kort bericht, wegens hetgesprongen schip AlphenAmsterdam: V. Selm, 1779, 89 p.

20. Klooster W. Curaçao as a Transit Center to the Spanish Main and the French West Indies. *Dutch Atlantic Connections, 1680-1800*. Ed. Gert Oostindie and Jessica V. Roitman. Leiden – Boston: Brill, 2014, pp. 25-51.
21. Marley D.F. *Historic Cities of the Americas. An Illustrated Encyclopedia*. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2005, 1009 p.
22. Котилья М.О., Кордоба Р.Д. Землетрясение в Сантьяго-де-Куба 20 августа 1852 года. *Геология и геофизика*. Новосибирск, т. 51, (11), 2010, сс. 1576-1599. [Kotilya M.O., Kordoba R.D. Zemletryaseny v Santyago de Cuba 20 avgusta 1852 goda [Earthquake in Santiago de Cuba on August 20, 1852]. *Geologya i geofizika*. Novosibirsk, Vol. 51. (11), 2010, pp. 1576-1599. (In Russ.).
23. Roe E.A. The Sound of Silent: Ideology of National Identity and Racial Inequality in Contemporary Curaçao. *Electronic Theses and Dissertations*. Miami: Florida International University, 383. Available at: <https://digitalcommons.fiu.edu/etd/2590> (accessed 08.03.2019). DOI: 10.25148/etd.FIDC000734
24. Debrot A.O. Cultural ties to the land in an arid plantation setting in Curaçao. Final report submitted to Commission of the Island Territory of Curaçao. Curaçao: CARMABI Foundation, 2009, 61 p.
25. Lampe A. El catolicismo político en Curazao 1936-1962. *Revista Mexicana del Caribe*, 2016, N 21, pp. 90-117.
26. Klooster, W. The rising expectations of free and enslaved blacks in the greater Caribbean. Curaçao in the Age of Revolutions, 1795-1800. Leiden: KITLV, 2011, pp. 57-74.
27. Aizpurua R. En torno a la aparición de un pueblo de esclavos fugidos de Curazao en la Sierra de Coro en el siglo XVIII. *Boletín de la Academia Nacional de la Historia*. Caracas. V. 87 (345), 2004, pp. 109-128.
28. Rupert M.L. Inter-colonial networks and revolutionary ferment in eighteenth-century Curaçao and Tierra Firme. *Curaçao in the Age of Revolutions, 1795-1800*. Leiden: KITLV Press, 2011, pp. 75-96.
29. Baro M.G. Venezuela en el tiempo. Cronología desde la fundación de la República. Caracas: Los Libros de El Nacional, 2009, 82 p.
30. Postma J. *The Dutch in the Atlantic Slave Trade*. New York: Cambridge University Press, 1990, 444 p.
31. Lamur H.E. Demographic performance of two slave populations in the Dutch speaking Caribbean. *Boletín de Estudios Latinoamericanos y del Caribe*, 1981, (30), pp. 87-102.
32. Kappeler A. Zes jaren in Suriname. Schetsen en tafereelen uit het maatschappelijke en militaire leven in deze kolonie. Utrecht: W.F. Dannenfelser, 1854, 1183 p.
33. Joordan H. Free Blacks and Coloreds, and the Administration of Justice in Eighteenth-Century Curaçao. *New West Indian Guide*, 2010, (1-2), pp. 63–86.
34. Teenstra M.D. De landbouw in de kolonie Suriname: voorafgegaan door eene geschieden- en natuurkundige beschouwing dier kolonie. Deel. I. Groningen: H. Eekhoff, 1835, 434 p.
35. Allen R.M. Di ki manera? A Social History of Afro-Curaçaoans, 1863-1917. Proefschrift. Utrecht: [s.n.], 2007, 304 p.
36. Roitman J.V. «A mass of mestiezen, castiezen, and mulatten»: Contending with color in the Netherlands Antilles, 1750–1850. *Atlantic Studies*, 2007, (3), pp. 399-417. DOI: <https://doi.org/10.1080/14788810.2017.1318022>
37. Goslinga Ch. Emancipatie en emancipator: De geschiedenis van de Slavernij of de Benedenwindse Eilanden en van het werk der Bevrijding. Academisch proefschrift. Assen: Van Gorcum, 1956, 187 p.
38. Teenstra M.D. De Nederlandsche West-Indische Eilanden. Deel. I. Amsterdam: Sulpke, 1836, 351 p.
39. Oostindie G. Slave resistance, colour lines, and the impact of the French and Haitian revolutions in Curaçao. *Curaçao in the Age of Revolutions, 1795-1800*. Leiden: KITLV Press, 2011, pp. 1-23.
40. Murgueitio M. La revolución negra en Saint Domingue y sus efectos en la guerra racial de las Antillas y Tierra Firme, 1789 – 1797. *Historia y espacio*, 2009, V. 5 (33), pp. 172-206.
41. Borucki A. Trans-imperial History in the Making of the Slave Trade to Venezuela, 1526-1811. *Itinerario*, 2012, V. 36 (2), pp. 29-54.
42. Trevelyan G.O. *The Life and Letters of Lord Macaulay*. Leipsic (USA): Lemmermon, 1876. 2 vol. in 1. V. 1. (307), 311 p.
43. Tula: een vrijheidstrijder voor alle generaties Succesvolle NiNsee herdenking Slavenopstand op Curaçao 1795. Available at: <http://marlondikorsou.blogspot.com/2010/09/tula-een-vrijheidstrijder-voor-alle.html> (accessed 19.03.2019).

Андрей Болтаевский, Станислав Агуреев

44. Kol van H. Een Noodlijdende Kolonie. Amsterdam-Rotterdam: Gedrukt bij Masereeuw @ Bouters, 1901, 39 p.

45. Blink M.J. van den. Olie op de golven. De betrekkingen tussen Nederland. Curaçao en Venezuela gedurende de eerste helft van de twintigste eeuw. Amsterdam: De Bataafsche Leeuw, 1998, 128 p.

46. Brandon P. Sociale mobiliteit en raciale scheidslijnen op Curaçao. *Tijdschrift voor Geschiedenis*, 2014, V. 127. (3), pp. 523-525.

Andrey A. Boltaevskiy (boltaev83@mail.ru)

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian University of Cooperation

Very Voloshinoy street 12/30, 141014 Mytishchi, Russian Federation

Stanislav A. Agureev (stas.agureev@mail.ru)

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

Ostozhenka 53/2, Moscow, 119021 Russian Federation

"Never visited a colony where negroes had such courage". Dutch colonial ethos in Curaçao

Abstract. The subject of this research is the initial stage of the Dutch colonization of one of the Lesser Antilles, Curacao, which is today a subject of the Federation in the Kingdom of the Netherlands. In Russian historiography, the role of Curacao as the largest smuggling center of the eighteenth century is practically not disclosed. The article examines the events of the 17th – 18th centuries. Taking into account the Dutch historical canon, the features of the Dutch colonial ethos in the context of a non-plantation economic system are described. The authors consider such aspects of the topic as the formation of the island as a transit center for transatlantic trade, as well as the role of slaves in its economic development.

The work is based on the principles of historicism, consistency, objectivity. The methodological basis of the research is the historical-genetic method, which allows to show the considered reality in its historical development. Despite the milder conditions of exploitation of slaves, numerous cases of escape and unrest of slaves are known. A characteristic feature of Curacao was the presence in all economic spheres of free blacks and mulattoes, mainly due to the urban economy.

Key words: colonialism, the Netherlands, the Caribbean region, Curacao, porto-franco, transit center, urban economy, plantation economy, colonial ethos.

DOI: 10.31857/S0044748X0018049-2

Received 01.04.2021.